

Московский комсомолец
№ 27897 от 6 февраля 2019 г.

**Арифметика российской бедности:
официальное число нищих занижено в два раза**

Люди рассчитывают на достойную жизнь, а не физиологическое выживание

Когда в мае прошлого года я увидел в президентском указе поручение правительству в два раза снизить бедность до 2024 года, то сильно удивился. Задача поставлена благородная: кто же будет отрицать, что Россия — страна, в которой много бедных, но вот только от слов к делам, как известно, зачастую лежит очень непростая дорожка.

Формально говоря, нужно уменьшить долю населения с доходами ниже прожиточного минимума с нынешних 13,2% до менее чем 7%. Казалось бы, в чем проблема? Поимённо выявим бедные семьи (соответствующий эксперимент начинает Минтруд в ряде регионов), определим их особенности и предложим адресные меры по подъёму их уровня жизни.

Государство и население совершенно по-разному понимают, что такое бедность. Вспомним, что первым официальную черту бедности в нашей стране ввёл своим указом Михаил Горбачёв летом 1991 года. Тогда она называлась «минимальным потребительским бюджетом», который строился на базе корзины из основных продуктов питания, непродовольственных товаров и услуг. По первым оценкам, тогда ниже этой черты бедности в РСФСР проживали примерно 15% населения. »

В 1992 году, уже в новой России, после начала радикальных экономических реформ,

эта цифра перевалила за 50%. И вот тогда было предложено **временно**, как зафиксировано в указе Бориса Ельцина, «на период кризисного развития экономики» ввести понятие «

прожиточный (физиологический) минимум

», который должен был использоваться наравне с минимальным потребительским бюджетом. Из-за чрезвычайности ситуации натуральная корзина прожиточного (физиологического) минимума стоила примерно в два раза меньше минимального потребительского бюджета.

Естественно, что как только новая черта бедности (а точнее — черта физиологического выживания) была введена, численность малообеспеченных удалось снизить почти в два раза — до одной трети населения страны. При этом было понятно, что настоящая бедность накрывала до двух третей жителей России.

Что произошло дальше? Прожиточный минимум (лишившийся эпитета «физиологический») стали считать на постоянной основе, закрепили в соответствующем законе, а про минимальный потребительский бюджет почти сразу же забыли. В 2000-е годы, когда в России наблюдался бурный экономический рост и не менее значимое улучшение материального благосостояния населения, можно было бы отказаться от временно введённого прожиточного минимума, но, видимо, чисто политически идея о том, что количество бедных чуть ли не удвоится, не прошла.

Сейчас, если оценивать бедность в России через минимальный потребительский бюджет, выскакивает цифра примерно в **25%**. Эти цифры намного ближе к объективной оценке российской бедности, чем прожиточный минимум, который указывает на 13% населения.

Однако и 25% далеко не исчерпывают проблему. Современное представление о бедности, которое, кстати, разделяют и наиболее профессиональные российские эксперты, базируется уже не только на натуральных нормативах потребления, но и на отсутствии у людей доступа к тем или иным благам и услугам, которые ещё недавно считались роскошью.

Например, Европейское статистическое агентство выделяет 9 видов материальных благ, которые являются нормой жизни: возможность питаться мясом (птицей, рыбой), как минимум, через день, наличие автомобиля, стиральной машины, телевизора, телефона, возможность хотя бы недельного отпуска, проводимого вдали от родного дома, способность оплатить непредвиденные расходы (то есть наличие сбережений), возможность поддерживать в своем жилье необходимую температуру. Если хотя бы три из этих материальных благ отсутствуют, то семью следует считать бедной.

Наше статистическое ведомство такую методику определения бедности не применяет, ограничиваясь допотопным, давно изжившим себя прожиточным минимумом. Потому что, если применить подход, основанный на упомянутом выше «лишении доступа», процент бедных будет намного выше 25%.

Например, согласно опросам ВЦИОМ, сборы ребёнка к 1 сентября вызывают финансовые трудности у 50% родителей. Тот же ВЦИОМ сообщает, что сбережения есть только у 36% семей. Эксперты Высшей школы экономики выяснили, что у почти 40% населения не хватает денег на еду и одежду. Продолжающееся уже несколько лет падение уровня жизни поставило на грань выживания 70% российских семей. Менее трети россиян обладают бюджетом развития — ресурсом, который может быть инвестирован в сектора образования, здравоохранения, досуга и культуры, строительства нового жилья. У прочих есть лишь «бюджет выживания».

Однако в стране, считающей себя современной, в которой государство реально настроено на повышение уровня и качества жизни людей, важны не только количественные оценки бедности, которые вычисляет государство. Контуры того, что называется «бедностью», фактически устанавливает общественное мнение, формирующее понятие «достойной жизни». А уже потом законодатели оформляют это в конкретные цифровые методики.

Откуда Евростат взял, например, упомянутые выше критерии: наличие автомобиля или отпуск вне дома? Из обыденных представлений людей, что такое **достойная жизнь**. То есть феномен бедности очерчивается не какими-то чиновниками или высоколобыми

экспертами, а самим обществом в рамках демократических процедур.

Поэтому любые попытки нынешнего российского правительства по старинке «оптимизировать» и «усовершенствовать» методику определения бедности обречены в лучшем случае на общественное непонимание. А ожидаемые новации, истинной целью которых является подгонка статистики под требования майского указа, будут очередным ударом по репутации власти, и без того сильно подмоченной последними социальными экспериментами типа повышения пенсионного возраста, увеличения НДС и введения так называемого профналога.

Статья целиком: « [Московский комсомолец](#) » от 6 февраля 2019

[Нравится](#) {gotop}
